

УДК 1(091)+11

**СДВИГ И ОСОЗНАВАНИЕ:
А. ПЯТИГОРСКИЙ О ФИЛОСОФИИ ОДНОГО ПЕРЕУЛКА***Г.В. Мелихов***Аннотация**

В статье рассматриваются представления о философии известного российско-британского мыслителя, востоковеда и писателя А.М. Пятигорского. Предпринята попытка осуществить проблемную реконструкцию этих представлений. Предложена гипотеза, согласно которой философствование А.М. Пятигорского представляет собой сдвиг к некой абсолютной и невыразимой данности – тому, что есть. Статья состоит из двух частей: в первой части задается концептуальная рамка анализа, во второй с помощью введенных ранее понятий и обращения к содержанию романа «Философия одного переуллка» автор обосновывает свою гипотезу.

Ключевые слова: А. Пятигорский, философия, сдвиг, осознание, «то, что есть», открытость, ясность, невыразимое.

В самом деле, собственно человеческим является труд индивидуального мышления...

Анри Бергсон

Неподвижно лежа на койке, он обвел взглядом самых верных своих последователей, тех, кому теперь предстояло проповедовать его учение во Франции, в Америке и по всему свету. «Ну и вяпались же вы», – спокойно сказал умирающий и закрыл глаза.

Луи Повель, «Мсье Гурджиев»

С легкой руки Ж. Делёза и Ф. Гваттари принято считать, что философ – создатель концептов. Отвлечемся от того, как понимали «концепт» известные французские мыслители, и вспомним, что требуется от философа сегодня – *идея*¹, яркая, зовущая вдаль и непременно полезная. Похоже, философ вновь востребован в качестве идеолога. Философ – творец идей, состоящий на службе у общества. Он радует об «общем благе», печется о «важном», указывает путь

¹ *Идея* для Ж. Делёза и Ф. Гваттари не является *концептом*. Последний термин вводился французскими мыслителями для того, чтобы преодолеть дихотомию идеи и вещи. Вместе с тем рискнем предположить, что такие свойства концепта, как нетелесность, недискурсивность и автореферентность характеризуют концепт (разумеется, в определенном смысле) в том числе и как идею.

и формирует идеалы. Первейшая задача философа – пристально всматриваться в окружающую его жизнь, чутко реагировать на происходящее, выявляя болевые точки и едва зримые тенденции. Философ – зеркало своего общества, полномочный представитель его насущных проблем. Он не просто ведет за собой, он рассказывает, с чем и как нужно бороться. Если философия действительно является своевременным диагнозом и рецептурой по исцелению общественных язв, то, знакомясь с жизнью и творчеством Сократа, С. Кьеркегора или Л. Витгенштейна, мы невольно ощущаем себя в окружении учеников Г. Гурджиева, по собственной воле «вляпавшихся» в более чем сомнительное предприятие.

Какая жалость, Сократ, оказывается, прожил свою жизнь зря – он так и не написал ни одной книги, ловко обвел вокруг пальца будущих историков философии – как теперь «определить» его философию? Не лучшим образом поступил и С. Кьеркегор: он попусту растратил свой дар, сбывая его то тут, то там по бросовой цене – кому интересны все эти витиевато-меланхолические рефлексии о самом себе, устремленном к Богу? А как ошибался умнейший Л. Витгенштейн! Зачем и он пытался «приложить» философию к самому себе? И что мы имеем в итоге?! Всего один небольшой трактат да пару статей, опубликованных при жизни, и нигде в них не упоминается о том, «как обустроить жизнь нашу». Увы, философствование было для Л. Витгенштейна всего лишь попыткой внести ясность в то, что может быть им же самим сказано о чем угодно.

Ни Сократ, ни С. Кьеркегор, ни Л. Витгенштейн не стремились изменить мир. Философия была для них частным делом, они никого не вели за собой и говорили только о том, что волнует лично их. Философ может вскрывать общественные язвы, но делает он это не потому, что озабочен неким «общим делом», а потому, что имеет склонность к размышлению, ему нравится думать. В какое-то время ему хочется думать об одном, иной раз – совсем о другом. Жечь глаголом, курировать общественное мнение, направлять и управлять – о, боги, мыслимо ли это?! Идею служения философ понимает иначе. Забота о «ближнем» основана на внимании к «дальнему». О чем бы ни думал Сократ, он всегда искал *одного* – Блага, или Божественного Добра. Индивидуальное и бескорыстное служение Благу – единственная добродетель философа, все остальное определяется ею. Но как объяснить это другому? Прочитать лекцию, воззвать к лучшим чувствам, издать новый указ? Сократ хорошо понимал, что научить кого-нибудь любить Благо больше самого себя, больше всего на свете – дело абсолютно безнадежное. Благо, хотя и является всеобщим, взывает к нашей *единичности*. Чему же может научить философ? Практически ничему. В его силах совсем немного: заронить зерна сомнения, инициировать вопрошание: кто ты, что ты собой представляешь, и как ты это можешь узнать о себе? Впрочем, не так уж это и мало – открыть для кого-то *индивидуальное* самосознание.

В этой связи следует задуматься о значении термина *единичный*, столь любимого С. Кьеркегором. Выделение категории единичного в традиционной логике и философии основано на процедуре *сравнения* признаков предметов и на допущении реального (или воображаемого) существования сравниваемых *объектов*. Благодаря процедуре сравнения выявляются как *общие* признаки, принадлежащие всем элементам некоторого множества, так и *единичные*, характеризующие только один его элемент. Кьеркегоровское понятие *единичный* вводится

на совершенно других основаниях – здесь не хотят никого ни с кем сравнивать, и самое главное – здесь нет по крайней мере одного объекта (Бога), с которым можно было бы сравнивать другой реально сущий объект (отдельного человека). Бог для С. Кьеркегора есть все, и Он непостижим. Его нельзя считать *особым* объектом среди множества других объектов. Он – Один. Ничего Другого *вне* Его нет. Бог – единственный *Единичный*. Стало быть, только Он *есть*.

Человек не является Другим по отношению к Богу. Он – открытость *тому, что единственно есть*. Человек всегда находится «там», где может обнаружить себя *то, что есть*, но не всегда он *помнит* об этом. Здания, машины, социальные сети, общественные движения, идеологии – все это, безусловно, существует, но возможно ли преуспеть в каком-либо деле без осознания *того, что есть*? *Забвение* – состояние сущего, в котором самостийная игра *того, что кажется* принимается за *то, что есть*. *Забвение* – это и невозможность увидеть *простое*, находящееся прямо перед тобой. *То, что есть* настолько непритязательно и обыденно, что взгляд невольно останавливается на чем-то другом, более приметном и значительном. Нет ничего проще и ближе «дальнего». Никто никуда не прячется – все лежит «прямо перед тобой», но взгляд все время «проскальзывает мимо», нас интересует все яркое, респектабельное, хорошо обоснованное. Уж нас-то провести невозможно, мы знаем, где и что взять... Что же такое должно произойти для того, чтобы *этот* человек – такой уверенный в себе, умный и сильный – *вспомнил* вдруг, что он есть всего лишь *открытость*? Какая сила может *сдвинуть* его с привычного места?

Сдвиг – это смещение от сложного, *того, что кажется*, к простому, *тому, что есть*; «раскрытие глаз», *вспоминание*. Сдвиг – осознание *открытости*, равное прояснению или очищению; это состояние человека, в котором он утрачивает все «состояния» и становится *открытостью*.

Сдвиг не является *решением*. Кьеркегоровский Авраам, совершающий свой немислимый выбор, балансировал на грани: он более чем когда-либо воспринимал свое *присутствие*, ощущал себя живым – ему необходимо претворить то, что сделать за него никто не может. Но что такое это «мое присутствие»? Нуждался ли Авраам в самом себе для того, чтобы *быть*? Авраам испытывал свое бытие как все сжигающий огонь: он – не отдельный, противостоящий чему бы то ни было, но он и не включен в «общее дело». Авраам воспринимал себя лишенным всего: он нигде и ни в чем. На нем ничего нет. Он – сбросивший с себя все: знания, социальные роли, желания, цели и ценности, – для того, чтобы *стать* всем. Авраам *сдвинулся* (для многих буквально «сошел с ума»), когда понял, что его самого, такого умного и уверенного в себе, просто не существует. Случай Авраама свидетельствует о том, что «выбор» — это отсутствие выбора, он реализуется в сдвиге в тот момент, когда человек становится одной *открытостью*.

Философ похож на Авраама, он пытается осуществить сдвиг к *тому, что есть*, и в этом, кажется, нет ничего плохого. Не думать об «общем деле» вовсе не означает быть чуждым Благу. *То, что есть* – отсутствие необходимости, чистая возможность. Разве нужно куда-то идти для того, чтобы найти *открытость*? Философ никуда не идет, потому что идти некуда. *Все* уже есть. Остается совершить невозможное: как-то по-особому, не сходя с места и не изменяя своего

положения, «развернуться» и сделать решительный шаг... в никуда. Вера – порыв в неведомое, обретение способности летать вопреки законам необходимости. Когда человек открыт *тому, что есть*, он сам становится *единичным*. *Единичный* – это ты, совершивший прыжок в невозможное, преодолевший земное тяготение, взлетевший и... остановившийся, потому что «там» нет ни того, *кто*, ни того, *где* летит. *Единичный* – это ты, сорвавший путы необходимости, распрощавшийся со всеми знаниями о себе, о мире, потерявший надежду, уставший бояться; ты, для которого нет ни цели, ни пути и потому есть *все*. Философ – *единичный*, у него нет философского учения – не может быть теории *того, чего «нет»*. Нельзя вычислить траекторию «недвижимого движения», «остановившегося парения». Философ – *единичный*, именно поэтому он не является учителем, ему нечему учить – нет проторенного, общего для всех пути к Богу. Учитель и ученик находятся в равном положении – они оба ничего не могут! Или могут абсолютно все, но тогда кто учитель и кто ученик?!

Об *открытости* свидетельствует *ясность*. Слово *ясность* пугает: оно отсылает к другому слову – *сознанию*, а это крайне нежелательно для многих. И все же философствование проясняет сознание. Оно не сдвигает, но способствует сдвигу. С. Кьеркегор считал, что есть состояния, подобные чистилищу, они – преддверие свободы, ее возможность. В этих состояниях человек ощущает себя на *краю* самого себя – это приближает к *тому, что есть* и говорит о том, *кто* есть философ. Способность взглянуть в лицо своему отчаянию и страху – единственная привилегия «рыцаря веры», совершающего «в духе своем» немислимые пируэты, и все это ради воссоединения с изначальным – ноуменальной субъективностью. Абсурдными кажутся иногда поступки человека, который следует не столько за *своими* переживаниями, сколько за *ясным сознанием* этих переживаний.

Существует вид знания, который проявляется в *осознавании* человека независимо от его намерений и действий. Это объективное знание, оно тождественно *тому, что есть*. Всякое объективное знание содержит в себе тайну, оно не поддается контролю со стороны человека. *Ясность* – убежденность, основанная на неконтролируемом прорыве *того, что есть* в субъективную реальность человека. Именно этого совпадения ищет философ. Ясно сознающий не просто знает, он становится тем, *что* знает. Крайне важно, чтобы речь философа, его мысль, он сам совпали с чем-то более значительным, нежели его собственная философия, им же придуманная. Осознавание размещает человека на *краю* самого себя: в своем здесь-и-сейчас-бытии он может ощутить присутствие *того, что есть*.

Философствование – это всегда испытание философии на прочность, поиск *ясности*, которая питает философское рассуждение и ставит его под вопрос. Хороший философ не держится за свою философию. Он понимает, что *ясность* не знает прошлого. *Единичный* обесценивает сказанное, обращая нас в даль, по ту сторону любой формы объективации. Принято думать, что философ – создатель оригинальных концепций. Философия – поле состязания, свободной игры идей, созидающей реальность. В этом суждении содержится изрядная доля правды, но не она вся. Философствование привносит ясность в нашу жизнь, оно помогает открыть *Единичного* в человеке, а тот... делает *все*, то есть ничего. *Единичный*

не столько созидает реальность, сколько выводит за ее пределы, придавая человеческой жизни особое качество – осознанность. Философ воспринимает происходящее *отстраненно*, а это вызывает подозрения: что он вообще делает? Какие полезные открытия он совершает? Какие теории придумывает? Что может он дать нам? Осознанность непереводаема на язык цифр. В ней содержится вызов: мыслимо ли это – человек *присутствует* в том, что он делает, в том, о чем мыслит, и не заботится об «общем деле»? Кому ты служишь? Как подойти к тебе? Кто ты, Сократ? А ты кто, С. Кьеркегор?

Всякая подлинная философия существует в измерении *актуального*. Нельзя говорить о философии, не поставив вопрос о философе в его здесь-и-сейчас-бытии. Философия в ее целостности, несомненно, присутствует в жизни того, кто философствует от чистого сердца, она содержит в себе след сдвига к *тому, что есть*, которое питает мысль, вдыхает в нее жизнь, раскрывает подлинную предметность. Не ощущая своей связи с невыразимой глубиной, с *тем, что есть*, нельзя создать текст, светящийся смыслом. Философию нельзя придумать, ее невозможно заменить строго определенным понятием, красивой фразой или описанием экзотического опыта. Искусство философствования состоит в «правильном» расположении относительно *того, что есть*. Осознание располагает человека на кромке *того, что есть*. Разве нужно куда-то идти для того, чтобы ощутить свою исконную *открытость*?! Осознание способствует сдвигу философа к *ясности*, это путь смирения, основанный на признании отсутствия пути.

Именно этому учил Л. Витгенштейн, который разработал тактику косвенного («смирненного») философского рассуждения как особого расположения по отношению к тому, о чем следует молчать, но непременно иметь в виду. Задача философствования – не поиск истины или сущности (что не означает их отрицания), а прояснение своего сознания, очищение; нужно не объяснять, а подвести себя (и других) к тому порогу, переступив который, можно обрести *ясное сознание*. Или не обрести, но тут уж ничего поделать нельзя. Философ не стремится называть вещи своими именами, он не срывает маски, он приводит примеры, много похожих примеров, в которых демонстрирует, как люди именуют вещи, как язык играет ими, когда они стремятся выразить существо дела. Впрочем, не возбраняется приводить и другие примеры. Сократ обсуждал ситуации, связанные с осознанием человеческого предназначения, а С. Кьеркегор демонстрировал случаи особых состояний человека, укореняющих его в бытии. Но все они вместе (Сократ, С. Кьеркегор и Л. Витгенштейн) понимали философию не как учение, теорию бытия или знания, а как образ жизни, основанный на *осознании*. Если философ и «учит» чему-то, то исключительно *осознаванию*. Философ постоянно напоминает нам о том, что ложиться спать еще рано, необходимо бодрствовать даже тогда, когда миром овладела ночь. Нет необходимости проповедовать, бороться с кем-либо, важно самому, чем бы ты ни занимался, стремиться к *ясности* своего сознания. Предметом философии является сам философствующий – его сознание, когда он исполнен каких-то намерений, и его мышление, когда он старается думать о чем-либо. Философия – упражнение в осознании, ставшее образом жизни. В таком случае центральная проблема философии – это проблема единства философа и его философии.

Г. Гурджиев знал, о чем говорил: самого главного словами (или его знаменитыми «движениями») не передашь. Всякий, кто ориентируется на «общее дело», рано или поздно ощутит себя «вляпавшимся» в очередное «учение» – ну, что ж, значит, так тому и быть...

* * *

А. Пятигорский большую часть своей жизни занимался буддийской философией. Несмотря на полное отсутствие интереса к своей личности, он как-то умудрился стать *единичным*. Именно поэтому А. Пятигорский имел *свою* философию, но не имел строго выверенного и систематически изложенного философского учения. Он жил, осознавая свои намерения и мысли, свободно и непринужденно выражая свое сознание в лекциях, беседах, статьях, рассказах и романах.

Главным его намерением было желание философствовать. Когда желание философствовать становится подлинной страстью, философ все чаще ощущает легкость, которая сопровождает его размышления и говорит о *сдвиге* в его существе. А. Пятигорский не учил, а рассказывал о философии как возможности сдвига к некоей абсолютной и невыразимой данности – к *тому, что есть*.

Метафоры и образы в философии. А. Бергсон, отвечая на обвинения в том, что его книги изобилуют метафорическими выражениями и что он явно пренебрегает специальной терминологией, предлагает различать два допустимых отношения к метафорам в философии. В одном случае образы и сравнения призваны дополнить мысль либо выразить ее изящно. Использование метафор здесь не является необходимым, без них можно обойтись. Но бывают такие случаи, когда «ни одно из существующих понятий не может *выразить* мысль автора, которому поэтому приходится ее *внушать*». Внушение возможно только с помощью образа, но такого, который не выбирается философом, а предстает как единственное, абсолютно необходимое средство коммуникации» [1, с. 326–327].

Слово «внушение» не вполне философское и, пожалуй, не очень удачное, но мысль А. Бергсона заслуживает внимания, она почти совпадает с тем, что в это же самое время (или чуть позже) утверждал Л. Витгенштейн: иногда для того, чтобы возникло понимание X, достаточно привести пример некоего Y, который является только похожим на искомое X. *Образ X* характеризует X *косвенно*, поскольку содержит в себе одновременно известное (перехлест Y и X) и неизвестное (чистое X). *Образ X* лишь указывает на то «место», где мог бы находиться X. Образное мышление – мышление вероятностное, а это как раз то, что нужно: *Единичный* всегда находится не там, где *должен* быть.

Сдвиг – это смещение или даже смена фокуса восприятия, когда все известное (и неизвестное) ранее предстает в ином свете, совсем не так, как прежде. Всякий заслуживающий внимания метод философствования в основе своей содержит реализованный философом сдвиг его восприятия, но сам этот сдвиг не являлся результатом применения метода. Хороший философ «забывчив», он не помнит руководств по правильному использованию философии. Он доверяет *тому, что есть*, которое не знает установленных *человеком* правил.

Образ *сдвига к тому, что есть* призван показать, что искомое для философа не подчиняется закону необходимости, причинно-следственным связям, принципу целесообразности – к нему нет общего пути. *То, что есть* единично, оно

проявляет себя в здесь-и-сейчас-бытии, его нельзя повторить, обратить в правило и руководство к действию. Но *то, что есть* не принадлежит и сфере случайного. Категория *случая* говорит о разрыве в цепи закономерных связей. Случай – разовое исключение закономерности на фоне ее постоянного воспроизводства. *То, что есть* не является исключением в действии закона. Образ *сдвига* позволяет описать отношение человека к *тому, что есть*, не прибегая к средствам детерминистских или волонтаристских подходов. Нечто *происходит* в осознании – человек раскрывается *тому, что есть*. И образ *сдвига* косвенно указывает на это.

Философия одного переулка. Первый и, пожалуй, лучший роман (или, если угодно, трактат в образах) А. Пятигорского «Философия одного переулка» представляет собой развернутую метафору философствования как *сдвига* философствующего к *тому, что есть*.

Действие романа разворачивается в нескольких хронологических и топографических пластах: в Москве конца 30-х годов, в послевоенной Москве 40–60-х годов и в Лондоне середины 70-х – начала 80-х годов. Главные герои романа Ника, Геня, Роберт, Андрей и Саша сначала предстают молодыми людьми, подростками и юношами (кроме Андрея, который вводится в роман зрелым человеком), затем – взрослыми людьми. Не менее важными персонажами романа являются дедушка Тимофей Алексеевич и Георгий Иванович (Гурджиев). Наконец, еще одним своеобразным «героем» романа выступает Страх, который отчетливо (по возможности) осознают *в себе* взрослые и смутно ощущают *вокруг* дети.

«Философия одного переулка» странный роман: его населяют герои, лишённые каких-либо психологических и антропологических черт. Психология не интересует А. Пятигорского. Из романа практически ничего нельзя узнать не только о том, что представляют собой его персонажи, но и каков их облик (кроме предельно общих констатаций: «невысокая, худая и, несомненно, очень красивая девушка...» [2, с. 58]), как они обычно живут и действуют. Впрочем, главные герои *живут* одним – *осознанием*, и совершают одно «*действие*» – они постоянно ведут беседы. Взрослые отвечают на вопросы детей, дети обсуждают друг с другом то, что они «подслушали» из бесед взрослых и то, что те сказали им, и все они вместе делают это с большой сосредоточенностью и серьезностью, испытывая от происходящего немалое удовольствие. Стихия беседы, свободного, непринужденного разговора заинтересованных людей составляет своеобразную атмосферу романа, пропитывающую в нем все. Сюжет романа «Философия одного переулка» сводится к перипетиям философских бесед его героев. В этом смысле в романе ничего не происходит, все случающиеся в нем события не имеют отношения к повседневной жизни.

О чем же ведут нескончаемую беседу герои романа? Они осознают себя и свою ситуацию. «Философия для меня, – утверждает один из главных героев романа, – это постоянная и почти непрерывная, особенно в последние годы, работа по расшифровке впечатлений, страхов и тревог моей собственной жизни...» [2, с. 140].

Существует философия больших улиц и площадей. Люди перемещаются по широким проспектам в парадных шествиях или маршах протеста, они спешат в центр города с прошениями или благодарностями. Философия больших

улиц – это философия дела, ее субъектом является «деловой человек», понимающий толк в цифрах и диаграммах. Он знает, чем и как нужно распорядиться должным образом, для него нет ничего невозможного. Но существует и другая философия – философия переулка, расположенного в стороне от больших дорог и не знающего многолюдных шествий. Люди здесь никуда не идут, потому что находятся дома. У них есть время для того, чтобы не заниматься чем-то «важным» и «значительным». Философия переулка – философия всего незначительного и маловажного, ее субъектом является «сторонний человек». «Философия одного переулка» – роман о философствовании *сторонних* людей, которых если и возможно собрать вместе (да и то в количестве не более четырех человек), то отнюдь не для шествия.

«Сторонние люди» – это не люди, жизненная позиция которых заключается в невмешательстве, «сторонний человек» не держится во всем «стороны». «Сторонние», – это люди, смотрящие на все *со стороны*, отстраненно. Со стороны чего? Сознания. Все герои романа А. Пятигорского, втягиваясь в беседы на всевозможные темы, пытаются обрести *ясность*. Они серьезно занимаются одним делом – осознанием себя.

Ясность и откровенность философа. «Цель» философствования – не разрешение проблемы и не выработка идеи, а *реализация* самого себя как *ясности*. Ясное сознание, раскрывающее *то, что есть*, персонифицировано в романе в образах Николая Ардатовского (Ника), дедушки Тимофея Алексеевича и Георгия Ивановича (Г.И.). Все названные персонажи обладают одним замечательным свойством, которое автор находит у Ники: «...он обладал удивительной чертой – между ним и жизнью никогда ничего не стояло, и когда он ее воспринимал, то воспринимал абсолютно буквально... То есть, если жизнь была сложной, он воспринимал ее сложно, если она была простой, он воспринимал ее просто, если непонятна, он ее не понимал... Я уверен, что эта черта не может быть ничем иным, как философией и религией вместе, даже если обладатель этой черты об этом не знает. Ибо если между тобой и жизнью не стоит ничего, то там есть Бог или Сознание» [2, с. 13]. Ника, дедушка, Г.И. *всегда* выступают в романе от имени *того, что есть*, всем остальным удается осуществлять это только изредка.

То, что есть раскрывает себя в философской беседе как озарение – внезапное пришествие *ясности*. Одиннадцатилетний Ника оказался свидетелем разговора дедушки Тимофея и двух его знакомых, которые обсуждали страшную новость. Все командиры Краснознаменной пролетарской дивизии, занимавшие с семьями первый этаж одного из домов в их переулке, в одну ночь были увезены в «неизвестном направлении». Сергей Владиславович «шепотом прокричал: “Всех сразу! Боже, какие они были молодые, добрые, красивые!” Его шурин, красавец Георгий Константинович Дрежелский, отчеканил над своей рюмкой портвейна: “Ты говоришь вздор, Сережа. Я тоже молодой и красивый. Плачь обо мне, а не о тех, кто взял в руки меч да от меча погиб”... Дедушка Тимофей сказал: “Не сердись, Георгий Константинович, но слишком много гибнет тех, кто и меча-то взять в руки не успел, кто и помыслить об этом не имел времени”. – “Я понимаю, – обрадованно проговорил Ника, – меч – это метафора”. “Не думаю, – заметил дедушка, – Меч – это меч”... “Но теперь-то я наконец понимаю, –

вскричал Ника. – Сначала христиане убили колдунов, потом красногвардейцы убили христиан, а теперь кто-то убил красногвардейцев» [2, с. 18–19].

Ясное сознание не делает человека «мировым учителем» или «видным философом современности» – для этого нужно быть включенным в «общее дело», обладать «оригинальными концепциями», видеть «дальше» и «глубже» других. *Ясное сознание* не проникает в недра, не возносится ввысь, оно видит *то, что есть*, и с этим трудно смириться. *Ясное сознание* делает человека *понимающим*: сначала христиане, потом красногвардейцы, а теперь кто-то... Можно, конечно, на этом понимании выстроить теорию и заработать «ученую степень», но не это главное (всем хорошо известно, что «выстроить теорию» и получить «степень» возможно без понимания). *Ясность* имеет сотериологический смысл – она утверждает человека в *том, что есть* – может ли быть что-то важнее этого?!

А. Пятигорский, подобно Л. Витгенштейну, не рассуждает о *сдвиге* (нет правильного, одинаково годного для всех метода), он приводит много примеров, демонстрирующих *ясное сознание*. Если поздний Л. Витгенштейн предметом философствования имел *свой язык*, то А. Пятигорский в романе «Философия одного переуллка» философствует о *своем* сознании.

Философия немислима без философа, а этот последний – без того, что А. Пятигорский называет *откровенностью*. Философ не занимается самовыражением, он есть «выражение “дышащей в нем объективности сознания”... Мы (философы. – Г.М.) – симптомы сознательного опыта, а не выразители своих или чужих идей» [2, с. 141–142]. Философия не столько производит идеи, сколько устанавливает философа в здесь-и-сейчас-бытии – «единичном случае *одной и той же* объективности сознания» [2, с. 114]. Искренность философа состоит в его способности выступить от имени того, что он *ясно* понимает, она имеет своим истоком *открытость* философа. Философская беседа (при определенных условиях) помогает осуществить сдвиг и стать *откровенным* выражением *того, что есть*.

Философская беседа как условие сдвига. Смысл философской беседы состоит не в отстаивании своей позиции: философствующие не спорят, свои собственные идеи *для них самих* не имеют большой ценности. «*Настоящая* философская беседа возможна, только когда ты уже исключил себя из того, о чем говоришь. Когда ты уже перестал *быть* в беседе. Тогда ты можешь вдруг обнаружить себя как *объект*, вещь в ее тексте, наблюдать ее как “чужое наблюдаемое”. С этой вещью можно делать все, что тебе – или собеседнику – угодно, но ее нельзя опровергнуть» [2, с. 158].

Философская беседа нужна для того, чтобы отстраниться от своих собственных мыслей, объективировать их и запустить процесс *осознавания*. Как этого можно достичь? Философ нуждается в достойном собеседнике, который хорошим вопросом застанет его врасплох. Одного мгновения бывает достаточно для того, чтобы «выпасть» за пределы привычного образа мыслей и ощутить себя сторонним наблюдателем. Философствование, по мнению А. Пятигорского, начинается с оставления того «места» в самом же себе, где ты только что и с большим трудом обосновался. Философская беседа – это всегда новое исследование себя с непредсказуемыми последствиями. Вероятно, и сегодня найдутся философы, которым в их окружение недостает Сократа. Свою работу Сократ

видел в том, чтобы всевозможными средствами выманивать философов (и всех прочих желающих) из уютных и уважаемых концепций, делать их (склонных к философии) *объектом* самовопросания, но не для того, чтобы что-то там опровергнуть, а исключительно ради утверждения в служении Благу, суть которого – забвение себя во имя любви к Нему.

Впрочем, философская беседа в понимании ее А. Пятигорским отличается от майевтического вопрошания Сократа – она не является родовспоможением мысли. Точнее, родовспоможение – не основная ее функция. Философу предлагается обращать внимание не на возникающие мысли, а на *осознание* мыслей – пространство, где они зарождаются, обладающее ценностью само по себе. Это «пространство осознания» и есть здесь-и-сейчас-бытие, оно сингулярно и универсально одновременно. Именно в этом «пространстве» философ произвольно обретает *ясность*. Философская беседа способствует сдвигу в «пространство осознания».

Философская беседа как потенциал ясности. Философ бессилён осуществить сдвиг к *тому, что есть* самостоятельно, ему нужен еще и достойный собеседник, то есть учитель. Но что может сделать учитель, если *то, что есть* искать не надо, а *ясность* передать невозможно? Достойный собеседник, как правило, является «хорошим философом», он кое-что знает о сдвиге восприятия на своем опыте¹. Поэтому достойный собеседник, отвечая на любой вопрос, имеет в виду также и *возможность* вопрошающего обнаружить себя в беседе в качестве *наблюдаемого объекта*. «Оттого, вероятно, *знающие* нашего времени прибегли к *намеку* как средству *наведения* могущего и хотящего знать на знание. Но намек крайне опасен для идиота, ибо он постарается увидеть в нем подтверждение, положение, правило или, что страшнее всего, руководство к действию. В то время как реальная цель намека – изменить направление твоей интенции к знанию» [2, с. 165]. Идиота легко обнаружить и по другому его свойству: он *во всем* будет видеть намек. Намек имеет силу только в конкретной ситуации, ею определяется и вне этой ситуации не существует.

Достойный собеседник не церемонится: любой твой вопрос он обращает «против» тебя, намекая на нечто *иное*, искать которое не нужно, оно не требует ни «меня», ни «тебя», пребывая всегда здесь-и-сейчас. Философская беседа становится *настоящей*, если ее участникам удастся изменить направление своей интенции, *отстраниться* от самих себя и ощутить присутствие *незримого* Собеседника – подлинного автора всех намеков и хороших вопросов. Все самое интересное в философской беседе начинается с вступления в игру Незримого, требующего от собеседников *откровенности*. *Ясность* не передается собеседнику, она случается в тот момент, когда кому-то удастся разместиться (благодаря вовремя и точно сформулированному вопросу) на кромке действительного и возможного *в себе*. «Коммуникация, – констатирует Саймон, самый случайный из всех второстепенных персонажей романа, – это место, где есть *потенциал истины*» [2, с. 161].

¹ Очевидно, «хорошим философом» может быть не только человек, профессионально занимающийся философией.

Реальная ситуация и ее творцы. Осознание ситуации, в которую поставлены люди вопреки их собственной воле, – одна из центральных тем романа «Философия одного переулка». Ситуация, согласно известному определению Г.-Г. Гадамера, «характеризуется тем, что мы ей не противопоставлены и потому не можем иметь о ней предметного знания... Мы всегда преднаходим себя в какой-то ситуации, высветление которой является для нас задачей, не знающей завершения» [3, с. 357].

В романе А. Пятигорского можно выделить два типа ситуаций: реальные и метафизические. Ситуации первого типа создаются давлением *объективного времени* на человека, в ситуации второго типа человек вовлечен благодаря *Незримому* собеседнику, или *Единичному*. Цель философствования: сдвинуться от ситуации реальной к ситуации метафизической. Если кому-то из героев романа удастся это сделать, он либо забывает испытывать страх – основной параметр, характерный для ситуации первого типа, либо вообще перестает бояться (того, что вызывало у него страх прежде).

Реальные ситуации в конечном счете всегда созданы людьми – одними против других, разумеется, во имя достижения благих и общих для всех целей. А. Пятигорский показывает, что давление объективного времени, выражавшееся в страхе физического уничтожения или морального унижения, имело свою причину: это господство определенного типа людей, навязывающих свои правила игры всему обществу. На характерную черту этого повсеместно распространенного человеческого типа указывает Андрей Дмитриев – один из умнейших людей не только в «курилке» Ленинской библиотеки, но и во всей тогдашней Москве (40–50-х годов). Однажды он затащил своих неизменных собеседников на галерею «Ленинки» и «заявил, что Россия вступает в совершенно новую полосу своего существования, и не только материального, но и духовного. И еще, что появляются совсем новые люди, вырастает новый тип “прагматической личности”, пронизательный, холодный и неумолимый, и что таким, как мы, останется либо незаметно раствориться, либо превратиться в говно. На что Геня тут же возразил, что пусть он лучше будет говном, но растворяться категорически не желает. Но Андрей, за которым почти всегда оставалось последнее слово, сказал, что духовные условия жизни будут таковы, что выбора не будет и что за нас решат, кому во что превратиться. И даже не люди решат, а сами эти условия» [2, с. 84].

О другом примечательном свойстве «нового типа людей» в «Философии одного переулка» упоминается лишь косвенно, прямо же о нем говорится в третьем романе А. Пятигорского «Древний Человек в Городе»: «Эпоха, в которую мы вступили (не заметив этого!), – провозглашает один из героев романа, – есть *эпоха незнания*. Главным становится не получение знания отдельным человеком, а принципиальная “получаемость” знания, его “сообщаемость” *всем*. Отсюда – естественная реакция злобы и ненависти на любое знание, не предназначенное для сообщения и передачи тем же всем, так же как и на носителей такого знания. Ведь во все времена средний обитатель Земли больше всего хотел иметь то, чего он лишен, даже если оно было ему не нужно» [2, с. 319]. Привычное равнодушие неумолимого прагматика мгновенно сходит на нет, когда тот сталкивается с тем, что понять в принципе не может, а это все, что

имеет отношение к *тому, что есть*. Прежде холодный и хваткий, становится он подозрительным и горячо ненавидящим все *исключительное*, единичное, не связанное с универсальной «сообщительностью» и «общим делом». Ибо *то, что есть* имеет отношение к отдельному человеку и совершенно чуждо «общему делу».

Реальная ситуация, в которую поставлены думающие люди в романе А. Пятигорского «Философия одного переуллка», – это *ситуация приоритета кажимости и незнания*, осложненная господством «прагматической личности», проницательной во всем, что касается личной выгоды, и холодной в отношении всего остального. В этой ситуации интересы превратно понятого «общего дела» всегда будут ставиться выше индивидуального мышления и профессионализма.

Случай Андрея: неполная вовлеченность. Ситуация приоритета незнания, в которой оказывается думающий человек, является для него вызовом: обстоятельства складываются так, что в лучшем случае он никому не нужен, а в худшем – само присутствие думающего человека в чуждой для него среде вызывает чувство раздражения и плохо скрываемой злобы, что нельзя назвать хорошими условиями для мышления.

Возможны разные стратегии отношения к данной ситуации. Андрей Дмитриев избрал для себя путь неполной, кратковременной вовлеченности в жизнь. Он решил «спрятаться, уйти, так сказать, в умственное и моральное подполье, только изредка выныривая из него на поверхность жизни, чтобы набрать в легкие воздуха – и опять вниз...» [2, с. 151]. Эти «глотки свежего воздуха», считал Андрей, нужны ему для того, чтобы свидетельствовать о времени, в котором он жил. Свидетельствовать о времени может человек, *включенный* в это время – такова была его идея.

Геня категорически не разделял эту точку зрения. Он следовал совету Тимофея Алексеевича, который «можно сформулировать так: не вовлекайся, но и – ни в коем случае – не скрывайся!» [2, с. 151]. Тогда тебе, вероятно, удастся жить в этой (или в какой-либо другой) стране, не живя в ней. «Жить, не живя» означает реагировать не на реальную ситуацию, а на свое осознание этой ситуации и еще дальше – на осознание этого сознания, *сдвигая* себя в сторону другой ситуации – метафизической. Ошибка Андрея состояла в том, что он считал возможным свидетельствование *вне* радикального сдвига. Нельзя мыслить, будучи вовлеченным в жизнь. Сдвиг – это, в частности, сдвиг в сторону *от* жизни. «Вовлекаться» означает неявно руководствоваться правилами игры, навязанными реальной ситуацией, всматриваться в *кажимость*, в то, чего нет; равно как и «скрываться» – следовать за своим страхом, также подчиняясь жизни. Возможно, лучшими свидетелями являются люди, живущие *вне времени* (знающие *то, что есть* они), и оттого, как бы сказал Ника, время в них *остается*, оседая на кромке их сознания.

Случай Роберта: полная вовлеченность, или регрессия. Крайним случаем вовлечения в жизнь выступает в романе А. Пятигорского Роберт – дворовый энциклопедист, «отличник по жизни» и «вундеркинд от сознания», мечтавший стать офицером-артиллеристом. В какой-то момент он *страстно* захотел жить. Это его и сгубило. «Жить *отдельно* от созерцания, а созерцать – ну, скажем, “в свободное от работы время”. И что же? Фиаско! Провал в то, что само *ниже*

жизни. Созерцание не терпит добавлений и совмещений» [2, с. 127]. Зимой 1945 года Роберт окончил с отличием артиллерийское училище, был выпущен лейтенантом и попал на фронт 4 мая. 8 мая он был убит севернее Берлина. Похоронная пришла 25 мая. Его отец умер от горя спустя три месяца. Впоследствии оказалось, что Роберт не погиб. Но к философствованию он уже не вернулся.

Регрессия – откат назад (в жизнь) *сдвинутого* в сознание человека. «Ниже жизни» – смерть. Куда может *возвратиться* думающий человек? Может ли он добровольно подчиниться игре *кажимостей*? Да, если он умрет в качестве думающего человека. Но и полнота жизни для него не будет доступна, потому что на кромке его сознания всегда будет жить понимание случившегося. Регрессия – это даже не столько смерть, сколько дрящущая всю жизнь *умирание* осознанности, причиняющее человеку несказанные муки. А для других *думающих* его действительно нет, в качестве философа он умер.

Быть философом – это судьба. У человека всегда есть возможность выбора. Для философа это выбор: жить или философствовать. Андрей избрал философствование, но *форма* его философствования вовлекала этого человека в жизнь. Он избежал регрессии, но не смог в полной мере стать *свидетелем*. Роберт сознательно выбрал жизнь, и это убило в нем талант свидетельствующего философа.

Метафизическая ситуация. Необходимо не просто выбрать философствование, но и найти такую его *форму*, которая позволила бы свидетельствовать о *том, что есть*. Философствование – это сдвиг от жизни к *тому, что есть*. *То, что есть* единично и не связано законом необходимости и прихотью человеческой воли. Сдвиг открывает *Незримого* собеседника, а тот вовлекает его в иную ситуацию – метафизическую. Но, прежде чем оказаться в сфере влияния *того, что есть*, человек должен сделать что-то *сам*. Метафизическая ситуация создается смертью философа для жизни – такова его плата *тому, что есть*.

Представление о метафизической ситуации, которая именуется в «Философии одного переуллка» *промежуточной*, ввел Геня в разговоре с Андреем, Додиком и Сашей в Москве в 1966 году. Геня рассказал, что Тимофей Алексеевич научил его и Нику относиться к смерти бабушки и к своей собственной смерти с некоторой иронией: «Такое к ней отношение характерно для *промежуточной ситуации*. Достаточно себя поместить в такую ситуацию и... То есть, конечно же, *поместить* себя в нее – невозможно. Но можно в ней *оказаться*. Я думаю – и это самое интересное, – что те, кто в нее попадают, *не меняются*. И ты сам, и то, что тебя окружает, остаются тем же самым *для себя* – но не *для тебя*. Для тебя же самого ты сам, другие люди, вещи и места обретают особый смысл. Особый, но не *другой*. Можно даже сказать, что они *для тебя* обретают *свой* (т. е. *их*) собственный смысл, которого в другом месте – вне промежуточной ситуации – они не имели» [2, с. 110].

Всякая метафизическая ситуация является *промежуточной*, потому что мыслящий удерживает себя в ней *между* «прошлым, превратившимся в смысл, и будущим, которое стало символом еще не свершившегося сознания» [2, с. 113]. Философ считывает смыслы, наблюдая за тем, что происходит в его сознании, и в какой-то момент он становится *открытостью*.

Геня настаивал на том, что метафизическая ситуация отличается от пограничной ситуации экзистенциалистов, которая полностью подчиняется логике

жизни. Метафизическая ситуация не понуждает человека к выбору, она вообще не имеет последствий для *жизни* человека. Философ ничего не делает, он занимается *осознаванием*, давая возможность проявиться *тому, что есть*.

В строгом смысле метафизическая ситуация не является «ситуацией». Реализованная *открытость* выводит философа за пределы жизни – жизнь становится «частью» *того, что есть*. Понятия «ситуация», «закон», «общее» описывают не *то, что есть*, а отношение человека к нему, они характеризуют *жизнь* человека. Тем не менее в гадамеровском понятии *ситуации* точно выражается существо дела: философ есть *то, что есть*. Философствование позволяет преодолеть мнимую *отделенность* философа и *того, что есть*. В метафизической ситуации философ понимает, *кто* есть он. Он – *то, что есть*.

Единство философа и его философии: вместо подведения итогов. «Философия, как я ее понимаю, – провозглашает А. Пятигорский, – это не только то, *что ты думаешь*, но и то, *что ты есть*. Существует такая вещь, как трансцендентальное единство философа и его философии» [4, с. 304]. *То, что есть* всегда больше того, *что сказал* о нем философ, поэтому он с иронией относится к своей философии, он понимает, что выше всего сказанного – *ясное сознание*, открывающее *то, что есть*. Философ никуда не идет, он ничего не ищет, все уже есть здесь-и-сейчас. Принцип трансцендентального единства философа и его философии говорит о единстве философа не с его собственным или чужим учением, а с *ясностью*, о которой сказать можно не так уж и много: она делает мыслителя *открытостью*. Это и нужно *вспомнить*. Философия есть *осознавание*, она помогает *вспоминать*.

Все заметные философские учения прошлого и настоящего не столько говорят об истине, сколько умалчивают о ней – они лишены измерения здесь-и-сейчас-бытия, «пространства *осознавания*». Что-то важное, самое главное уходит из философии, когда ее покидает философ. Были философы, которые никогда не писали об экзистировании, о подлинном и неподлинном существовании, не ставили проблему личности – их не интересовала ни эта проблема, ни они сами в качестве личности, но их мышление и речь были отмечены присутствием *ясности*, и это не может не привлекать внимание даже сейчас, когда этих философов нет с нами.

Философское учение всегда недоговаривает, оно лишь намекает на то, чем *был* философ, его создавший. Учиться можно только у *того, что есть*, пребывая в *ясности* здесь-и-сейчас. Сдвиг к *ясности* осуществляется благодаря индивидуальному *осознаванию*. Изучение философского произведения – подспорье в этом. Философ вынужден превращать чужие идеи в инструменты *осознавания* себя, ибо только так можно расположиться на кромке *того, что есть*. Философия – это способ *жить*, осознавая происходящее *с тобой*. Лишь о *такой* жизни имеет смысл говорить философу.

Когда же философ *забывает* о том, что он есть *открытость*, появляется другой философ – хороший собеседник, который помогает ему оказаться в метафизической ситуации, где он может умереть для жизни и воскреснуть для *осознавания*.

Summary

G.V. Melikhov. Shift and Awareness: A. Piatigorsky about the Philosophy of One Lane.

The article deals with the perceptions on philosophy of A. Piatigorsky, a famous Russian-British thinker, orientalist, and writer. An attempt is made to critically reconstruct A. Piatigorsky's ideas; a hypothesis is suggested, according to which his philosophizing is a shift to some absolute and ineffable entity – to *what it is*. The article consists of two parts: in the first part, a conceptual framework for analysis is given, and in the second part, the suggested hypothesis is proved using previously introduced concepts and by referring to the novel “The philosophy of one lane”.

Key words: A. Piatigorsky, philosophy, shift, awareness, “what it is”, openness, clarity, ineffable.

Литература

1. *Бергсон А.* Письмо Флорису Делатру // Бергсон А. Избранное: Сознание и жизнь. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 324–329.
2. *Пятигорский А.* Философия одного переулка. Древний Человек в Городе. – М.: Новое лит. обозр., 2005. – 408 с.
3. *Гадамер Г.-Г.* Истина и метод: основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
4. *Пятигорский А.М.* «Я – человек никакой культуры» // Пятигорский А.М. Избранные труды. – М.: Школа «Языки рус. культуры», 1996. – С. 298–307.

Поступила в редакцию
27.09.10

Мелихов Герман Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры общей философии Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: german.melikhov@ksu.ru